

Алексей Витальевич Томильцев

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории, методологии и правового
обучения Института государственного управления и
предпринимательства
Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: tomiltcev@yandex.ru

Дарья Алексеевна Томильцева

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии,
департамента философии
Уральского гуманитарного института
Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: tomiltceva_d@mail.ru

КОМПЕНСАТОРНЫЕ ФУНКЦИИ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Борьба с коррупцией не может быть ограничена лишь введением предписаний и запретов «не брать взятки» и системой соответствующих наказаний. Без прояснения причин возникновения коррупции и ее функций нельзя выстроить эффективную систему противодействия этому явлению как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества. В статье рассматриваются компенсаторные функции коррупции, которые понимаются как способ организации человеческих взаимодействий, направленный на удовлетворение личных потребностей граждан и замещающий собой работу государственных институтов, не способных выполнять возложенные на них обязательства, например вследствие консервативности господствующей бюрократической системы или ее несовпадения с базовой системой морали. Кроме того, важным фактором, влияющим на возникновение коррупционного поведения, является неопределенность последствий принятия решений. В условиях повышенных рисков внешней среды, отсутствия четкой стратегии, необходимости строго следовать прописанным правилам и регламентам, не успевающим

за динамикой социальных и экономических изменений, человек, принимающий решения, оценивает действия коррупционного характера как своего рода «страховку» от негативных последствий, единственную возможность повлиять на ситуацию или как справедливое вознаграждение. В ряде случаев самими участниками ситуации такого рода поведение не рассматривается в качестве коррупционного или противоправного. Неопределенность будущего, отсутствие представлений о четкой стратегии приводит к тому, что лица, принимающие решения, ищут альтернативные пути получения контроля над последствиями своей деятельности.

Ключевые слова: коррупция, компенсаторные функции, государственный интерес, неопределенность, бюрократия.

Ценность ресурса может зависеть от места и способа его применения.

Оливер Уильямсон

Коррупция – это теневое социальное явление, которое повышает цену государственного управления, поскольку вынуждает налогоплательщика оплачивать несколько раз одну и ту же услугу и путем налоговых отчислений, и через дачу взятки должностным лицам для получения конкретного позитивного решения или доступа к государственной или муниципальной услуге. С таким положением дел необходимо бороться, однако стоящая перед обществом задача по противодействию коррупции не должна ограничиваться только принятием комплекса формальных мер, регулирующих работу должностных лиц и предостерегающих от незаконных действий тех, кто в результатах данных действий заинтересован. Формализованные предписания, по сути, призывают работать со следствиями, а не с причинами. Кроме того, причины возникновения коррупции не исчерпываются лишь индивидуальными желаниями личного обогащения или необходимостью «обойти» закон. Речь идет не только о некоторых факторах оппортунистического поведения лиц, принимающих решения, но и о более масштабных причинах, берущих свое начало в определенных нормативных системах и ценностных установках (Токмянина 2016), носящих уже структурный характер и неявно легитимирующих потенциально коррупционное поведение. Рассмотрению подобных факторов, а именно условий неопределенности принятия решений и компенсаторных функций коррупции в рамках индивидуальных и коллективных стратегий и посвящена данная статья.

Неопределенность последствий принятия решений.

Одним из важнейших условий, стимулирующих коррупционное поведение, является неопределенность последствий принятия решений, под которой следует понимать экономические и правовые риски внешней среды, сопровождающие действия должностных лиц и лиц, принимающих решения. Со стороны граждан характерным для данной ситуации становится недоверие как к закону, так и к деятельности государственных и муниципальных институтов. Со стороны должностных лиц возникновение подобной ситуации обуславливается представлением о том, что слишком многое зависит не от собственных действий, то есть от самого лица, принимающего решения, а от совокупности «контекстуальных», личностных и безличных факторов, таких как существующие формы и способы контроля за действиями государственных служащих, конъюнктурная составляющая, характеристика актуальной бюрократической системы. К тому же любая ошибка, допущенная при принятии решений, может обернуться существенными изменениями в социальном статусе, материальном обеспечении и даже потерей должности. Фактически речь идет о логике действий, схожих с деятельностью венчурных фондов, работающих в условиях постоянного риска. По этой причине коррупционные поступки не только приобретают форму «страховки» и компенсации нежелательных последствий, но и нередко воспринимаются в качестве единственного способа обретения контроля над ситуацией.

Мы не случайно упомянули о компенсации. На наш взгляд, именно в условиях неопределенности последствий принятия решений коррупция приобретает компенсаторные функции¹, наличие которых служит причиной воспроизводства в тех или иных формах коррупционной деятельности и, помимо этого, позволяет должностным лицам прибегать к логикам оправдания собственных действий.

Коррупция приобретает компенсаторные функции в ситуациях замещения деятельности тех государственных институтов,

¹ Исходным для понимания в данном случае выступает общий закон компенсации, сформулированный В.М. Бехтеревым: «...всякое движение или какая-либо другая форма энергии, встречая то или другое препятствие для своего проявления, замещается другими движениями или другими формами энергии, представляющими в сущности тоже род движения» (Бехтерев 1994: 319).

которые по каким-либо причинам более не выполняют своих обязательств, например когда интересы граждан и государственных служащих всецело перестраиваются на обслуживающие исключительно личные интересы и потребностей (здесь речь идет о социальных лифтах, экономической консолидации и т.д.; см. об этом: (Каменский 2014)) или же (другой аспект) предполагают возмещение затраченных усилий или рисков, принимаемых на себя должностным лицом (более широкие трактовки компенсационных механизмов см., например: (Гладышев 2002)). Следует заметить, что в рамках данной статьи компенсаторные функции коррупции не будут рассматриваться с позиций стратификации или сословной дифференциации населения, тем более что в настоящее время муниципальные служащие на низших звеньях не ощущают себя принадлежащими к определенным сословиям и как лица, не принимающие самостоятельных решений, практически не участвуют в коррупционных схемах.

Но что же в таком случае следует понимать под коррупцией? Нам необходимо сразу оговориться: несмотря на достаточно широкий спектр толкований термина «коррупция», в рамках этой статьи мы будем исходить из официального определения, данного в тексте Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017 г.) «О противодействии коррупции». Согласно 1-й статье этого закона коррупция есть «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» (Федеральный закон № 273-ФЗ, 2008).

Выбор именно этого определения был продиктован следующими причинами: во-первых, оно позволяет проводить четкое разделение между допустимыми и недопустимыми с точки зрения российского законодательства вариантами поведения;

во-вторых, данное в законе определение достаточно широко очерчивает возможные схемы коррупционной деятельности, совершаемой «вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды»; в-третьих, к указанному пониманию коррупции будут апеллировать как стороны обвинения, так и те, кто видит происходящее с иных позиций (то есть сам факт коррупционного поведения отрицающие)¹. В таком случае противодействие коррупции заключается в поиске путей устранения подобных противоречий, что вполне вписывается в данное законом определение, где противодействие коррупции – это деятельность «по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции)» (Федеральный закон № 273-ФЗ, 2008: ст. 1, п. 2, а).

Также, на наш взгляд, заслуживает внимания более конкретизированное определение коррупции, данное международной организацией по стандартизации, которое приводит В.Е. Мюллер: «Коррупция – злоупотребление полномочиями с целью получения личной выгоды. Коррупция может иметь много форм. Примеры коррупции включают взяточничество (вымогательство, предложение или получение взятки) чиновниками, взятки в частном секторе, конфликт интересов, мошенничество, отмывание денег и использование служебного положения в корыстных целях» (Цит. по: Мюллер 2015: 11). Как можно заметить, данное определение оставляет достаточно большой простор для трактовок, однако в отличие от описания, представленного в законе, не говорит о получении выгоды «вообще», что предполагает наличие более широкого числа контрагентов, а ставит акцент именно на идее личной выгоды. Подобный подход дает нам возможность взглянуть на компенсаторные функции коррупции в двух ракурсах: индивидуализированном и коллективном. Однако здесь возникает вопрос о том, каким образом разграничиваются данные формы коррупционного поведения.

¹ В данном случае имеются в виду ситуации «двойного прочтения»: «Неизбывность “личного” элемента в профессиональных взаимодействиях создает идеальный камуфляж для коррупции, позволяя ей мимикрировать под нормальные, общепринятые “неформальные отношения”. Будучи замаскирована под благодарность или ответную услугу, взятка не только не вызывает общественного осуждения, но и в известной мере утрачивает признаки коррупционного деяния с правовой точки зрения» (Леонтьева 2010: 50).

Компенсаторные функции коррупции: индивидуализированные и коллективные формы. С одной стороны, о подобном разделении можно говорить весьма условно: действительно, где находится та грань, которая отделяет выгоду, получаемую в интересах сообщества, от личной выгоды, прикрытой общими интересами? С другой стороны, если с индивидуальной выгодой вопрос оказывается более-менее ясным, то коллективистские ее формы могут быть продиктованы господствующими в конкретном сообществе культурными доминантами, к примеру, клановостью, различными формами профессиональной, религиозной или этнической поруки либо иными вариантами коллективистских идентификаций, которые должны каким-то образом вписываться в существующие на уровне государства экономические и управленческие системы. То есть фактически мы можем говорить о двух типах коррупционного поведения, порой между собой перекликающихся.

Первый тип предполагает уже работающие системы, в которых коррупция оказывается их изнанкой, позволяющей выявить непрозрачные или недостаточно проработанные законодательством места. Второй тип выстраивается на столкновении интересов и логик взаимодействия между сообществами и институтами. То есть там, где культурные нормы требуют соблюдения интересов сообщества, а нормы государственного управления – отказ от этих интересов, неминуемо возникают конфликт и ситуация, потенциально провоцирующая коррупционные действия. Наличие последних связывает вопрос противодействия коррупции с необходимостью изучения ситуации двойного морального предписания, в которой коррупция одновременно и порицается, и оправдывается, а грань между законным и незаконным, по крайней мере в глазах самих действующих, провести оказывается достаточно сложно.

В этом плане показательным является анализ возникновения коррупции в ее современном понимании, представленный Р. Хестановым (Хестанов 2012). Опираясь на идеи П. Бурдьё, исследователь говорит о противоречии между «интересом собственного дома», куда мы можем включить коллективистские стратегии получения выгоды, и государственным интересом. «Соблазн регрессии от государственного интереса (*raison d'État*) к частному интересу, “интересу собственного дома” (*raison*

maison) существует всегда. Бурдые объясняет эту постоянную опасность трудностью утверждения особой государственной логики, требующей “экстраординарных” усилий и правил, то есть тех правил, которые дестабилизируют привычный социальный порядок» (Хестанов 2012: 54). Таким образом, в свете требований беспристрастности и отказа от выгоды оказываются скомпрометированными те положения, которые в повседневной жизни воспринимаются как морально оправданные и предпочтительные. Это обстоятельство доставляет должностному лицу дополнительные трудности: оно должно следовать двум нормативным и моральным системам сразу. Частично подобное противоречие мы можем связать также и с особенностью пересмотра моральных доминант традиционного общества и, соответственно, с переходом от того типа субъекта, которого Р. Хестанов называет «субъектом частных интересов», к «публичному субъекту».

Надо заметить, что в данном случае новая логика изменила и основы конституирования государственной власти. Если для традиционного общества соблюдение интересов «своего» сообщества: детей, родственников или ближайших соратников – становилось основой укрепления государства и власти правителя, а логика подобного рода могла идти по нисходящей, то новый бюрократический порядок предписывал совершенно иные, безличные и прозрачные формы (См.: Хестанов 2012: 54), в которых принадлежность к сообществу, личные связи, социальный статус (в идеале) напрямую не связывались с должностью и не должны были зависеть от принимаемых решений. В итоге эти системы отношений оказывались в ценностном и нормативном конфликте по отношению друг к другу.

Отсюда происходят два возможных коррупционных сценария, и оба связаны с доминированием логики традиционного общества и «субъекта частных интересов». Первый обосновывается желанием быть «хорошим» в интересах «своего» сообщества. То есть из существующих двух систем норм локальная воспринимается как более значимая. Так устойчивые культурные нормы и традиции представляют возможность должностному лицу чувствовать большую определенность в отношении своих собственных действий, их последствий и внешней оценки со стороны членов сообщества. Кроме того, от принятого решения будет зависеть и тот статус, которым данное лицо наделяется

внутри своего сообщества. Нередко в подобной ситуации интересы сообщества ставятся выше личных интересов должностного лица. «В nepoтизме и фаворитизме в угоду “своим” усматривается не нарушение официальных правил и инструкций, призванных регламентировать публичную сферу, а гуманное, “человеческое” лицо чиновника, дорожающего расположением близких и всегда готового им помочь связями и влиянием» (Гатубаев 2017: 130).

Вполне возможно, что логика выбора интересов сообщества объясняется желанием иметь некоторую «подушку безопасности»: в случае лишения должности или возникновения вопросов, напрямую не связанных с должностными обязанностями, чиновник может рассчитывать на поддержку внутри «своего» сообщества. Если такие личные связи продолжают быть достаточно сильными и у государства нет ресурсов – экономических и социальных – для того, чтобы им противостоять, то данный фактор может оказывать значительное влияние на коррупционную ситуацию в отрасли, регионе и даже в стране в целом.

Второй сценарий более ориентирован на соблюдение личных интересов и интересов своей семьи. С одной стороны, он может развиваться уже в тех условиях, когда связи внутри «больших сообществ» начинают ослабевать и формы коррупционного поведения, описанные нами выше, кажутся уже очевидными. «Непрекращающаяся игра, в которую государственная логика вовлекает социальный мир, приводит к радикальной трансформации социальных отношений. Они этатизируются, а всякое сопротивление государству на дискурсивном уровне фиксируется как нарушение публичного порядка или коррупция» (Хестанов 2012: 55). Однако новой системой порождаются новые коррупционные логики и переосмысливаются старые практики.

Индивидуализированные коррупционные логики. На развитие второго, индивидуализированного, сценария также влияет проблема сохранения должностным лицом его положения и статуса, которую мы можем разделить на два аспекта. Один из них связывается непосредственно с ненадежностью рабочего места, зависимостью от плохо предсказуемой политической конъюнктуры, а также тех людей, которые могут занять вышестоящую должность и сформировать обновленный состав управленческой команды, вследствие чего неминуемо возникает риск

потери существующего положения. Чем менее устойчивым делается экономическое развитие территории, чем большей трансформации подвергается ее политическая система, тем выше становится риск. В этом плане весьма примечателен пример Челябинской области, коррупционная ситуация в которой является достаточно сложной. Как только там возникла проблема смены губернаторов (после бегства в Лондон М. Юревича) и наметился спад экономической активности региона, возросли размер коррупционного ущерба и средняя величина взятки (См.: Степанюк 2017; Николай Цуканов... 2018). Вместе с тем, как свидетельствуют данные исследования, проведенного челябинским филиалом РАНХиГС по заказу правительства области, доля респондентов среди опрошенных представителей малого, среднего и крупного бизнеса, попадавших в потенциально коррупционную ситуацию, снижается в период с 2012 по 2017 г. (См.: Аналитический отчет... 2017). В качестве одной из причин возникновения положительной тенденции исследователи называют сокращение числа непосредственных контактов между предпринимателями и представителями муниципального управления.

Кроме того, на страхе потерять рабочее место или ощущении временности его замещения строится работа организаций, лоббирующих принятие тех или иных решений. Фирмы-лоббисты или государственные органы-лоббисты оказывают воздействие на лиц, принимающих решения. Внешне оно может не носить противоправного характера и осуществляется в таких формах, как, например, официальное трудоустройство на высокооплачиваемую работу, карьерное перемещение по вертикали или горизонтали. Так, в августе 2018 г. газета «Коммерсантъ» опубликовала статью, рассказывающую о «белом лоббизме»: «ВТБ впервые в российской практике публично раскрыл подробности закупки юридических услуг, направленных на правку законов, в которой заинтересован банк» (Пушкарская, Сапожков 2018).

Другой аспект связан с проблемой сохранения и передачи достижений и положения по наследству. Если продвижения по карьерной лестнице, социальный статус и уровень дохода воспринимаются как сугубо личные приобретения или даже как часть семейного капитала, то переход к «публичному субъекту» приводит к тому, что должностное лицо вынуждено «передавать»

свои достижения совершенно посторонним людям, которые будут замещать должности после него. Страх потери должности, положения и карьерных достижений заставляет должностное лицо искать механизмы, направленные не на получение прямой материальной выгоды, а на снижение возможных потерь и расходов в будущем. Одним из наиболее распространенных приемов в данном случае являются инвестиции в образование или трудоустройство «наследников»: это практики устройства или покупки топовых должностей (См., например: Клименко 2017), а также обучение детей в иностранных учебных заведениях. Учеба в таких заведениях должна рассматриваться как своего рода социальный лифт, трамплин, приводящий к созданию стартовых условий, отличных от других. Эти деяния официально коррупцией не признаются, но иллюстрируют компенсаторный механизм защиты от неустойчивости рабочего места, изменчивости должности и статуса. Не случайно летом 2018 г. депутатом Государственной Думы РФ В.Ф. Рашкиным был вынесен на рассмотрение законопроект № 26251-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях введения ограничений на получение несовершеннолетними детьми отдельных должностных лиц, государственных гражданских и муниципальных служащих образования в иностранных образовательных организациях» (Законопроект № 26251-7: 2016). Соответствующие изменения, в частности, предлагалось внести в Закон «О противодействии коррупции», однако данная инициатива была отклонена.

* * *

Все вышеперечисленное позволяет нам говорить о том, что рассмотрение компенсаторных функций переводит разговор о коррупции от ракурса индивидуального обогащения к вопросам замещения или восполнения недостатка определенности будущего, законодательных норм или механизмов, регулирующих деятельность лиц, принимающих решения. Индивидуализированные и коллективные формы коррупции, несмотря на то что нередко перекликаются между собой, предполагают отличные друг от друга ценностные ориентиры и нормативные стратегии поведения должностных лиц и, соответственно, требуют разных типов мероприятий по противодействию коррупционной деятельности.

В первом случае речь идет о том, чтобы ценности и нормы локальных сообществ не ставились выше закона и системы государственного управления (это может повлечь за собой существенные изменения внутри социальной структуры). Подобные изменения невозможны без развития государством альтернативных и доступных как для граждан, так и для должностных лиц механизмов социальной и административной поддержки.

Во втором случае выстроить адекватные механизмы противодействия коррупции оказывается сложнее. Прежде всего, речь идет о том, что не всегда реализация компенсаторных функций коррупции предполагает открытое нарушение закона. С одной стороны, можно говорить о таких действиях, которые в общем виде реализуются в соответствии с существующим законодательством и под действие закона о противодействии коррупции не подпадают (как, например, вопрос о допустимости обучения детей высших должностных лиц в зарубежных учебных заведениях). С другой стороны, речь идет о возможности в процессе осуществления должностным лицом своей деятельности выхода за рамки непосредственных обязанностей или рабочего времени (то есть в нарушение существующих должностных инструкций). По-видимому, поиск решений в данной ситуации необходимо осуществлять шире, не только с точки зрения коррупции как таковой, но и в контексте общей проблематики формирования компенсаторного механизма трудовых затрат, теорий мотивации и справедливого вознаграждения.

Однако постановка вопроса подобным образом является достаточно опасной, поскольку порождает своеобразное неформальное разграничение между «собственно» коррупцией и «неофициальным вознаграждением», которое должно компенсировать принятые на себя риски и неопределенность условий деятельности. Иными словами, недоверие к будущему, его непрозрачность заставляют лиц, принимающих решения, искать «обходные пути» или дополнительные гарантии, которые предоставляют им возможность предугадывать и контролировать дальнейшее развитие событий. Все вышеизложенное дает основание говорить о том, что усовершенствование законодательства вкупе с модернизацией бюрократической системы и разработкой методик индивидуализированного анализа и оценки деятельности

чиновника позволит снизить количество ситуаций, продуцирующих потенциально коррупционное поведение.

Материал поступил в редколлегию 14.09.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аналитический отчет по государственному контракту № 125К-17 на оказание услуг по проведению социологического исследования в бизнес-среде о деятельности государственных органов в целях выявления уровня коррупции [Электронный ресурс], 2017. URL: <http://pravmin74.ru/obyavleniya/analiticheskiy-otchet-po-gosudarstvennomu-kontraktu-no125k-17-na-okazanie-uslug-po> (дата обращения: 18.11.2018).

Бехтерев В.М. 1994. Коллективная рефлексология // Бехтерев В.М. Избранные работы по коллективной психологии. М.: Наука. С. 18-352.

Гладышев В.И. 2002. Компенсаторное общение: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург. 45 с.

Каменский Е.Г. 2014. Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт // Вестн. ин-та социологии. № 4 (11). С. 74-92.

Клименко А. 2017. Большие молодцы: дети высокопоставленных чиновников, достигшие огромных успехов в бизнесе [Электронный ресурс], 02 февр. URL: <http://ekb.dk.ru/news/bolshie-molodtsy-deti-vysokopostavlennyh-chinovnikov-dostigshie-ogromnyh-uspehov-v-biznese-237068143> (дата обращения: 01.09.2018).

Леонтьева Э.О. 2010. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // Полития. № 1 (56). С. 45-51.

Мюллер Е.В. 2015. Управление персоналом и проблемы минимизации влияния коррупционных процессов. М. : Мир науки. 187 с.

Николай Цуканов провел заседание Совета по противодействию коррупции [Электронный ресурс], 12 сент. 2018. URL: <http://uralfo.gov.ru/press/events/1425/> (дата обращения: 18.11.2018).

Пушкарская А., Сапожков О. 2018. Госбанк вышел в лобби [Электронный ресурс] // Коммерсант. № 151. 23 авг. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3720478> (дата обращения: 03.09.2018).

Степанюк Е. 2017. Средняя взятка в Челябинской области выросла до 1,6 млн рублей [Электронный ресурс], 05 июля. URL: http://www.chel.aif.ru/money/corruption/srednyaya_vzyatka_v_chelyabinskoy_oblasti_vyroslo_do_1_6 mln_rublej (дата обращения: 18.11.2018).

Татубаев Т.М. 2017. Национальные традиции, обычаи и правила противодействия «коррупционерам» в республике Казахстан // Социум и власть. № 1 (63). С. 125-131.

Токмянина С.В. 2016. Антикоррупционные моральные предписания и запреты: специфика понимания «должного» и реальная практика предпочтений // Гуманит. науч. исслед. № 8 (60). С. 247-251.

Хестанов Р.З. 2012. Коррупция и революция как структурные основания фикции государственного интереса (raison d'État) // Логос. № 2 (86). С. 46-64.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Собрание

законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 28.07.2018).

Законопроект № 26251-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях введения ограничений на получение несовершеннолетними детьми отдельных должностных лиц, государственных гражданских и муниципальных служащих образования в иностранных образовательных организациях» [Электронный ресурс], 14.11.2016 (по состоянию на 12.07.2018). URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/26251-7> (дата обращения: 30.08.2018).

Alexey V. Tomiltsev, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Theory, Methodology, and Law Education of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: tomiltcev@yandex.ru

Daria A. Tomiltseva, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: tomiltseva_d@mail.ru

COMPENSATORY FUNCTIONS OF CORRUPTION IN THE CONTEXT OF UNCERTAINTY OF DECISION-MAKING CONSEQUENCES

Abstract. It is impossible to limit anti-corruption efforts only to prescriptions, prohibitions “not to take bribes”, and by the system of the proper punishments. The effective system of counteractions to this phenomenon at the state level and at the level of civil society cannot operate without clarifying the reasons for the occurrence of corruption and its functions. The article deals with compensatory functions of corruption, which are understood as a way to organize human interactions aimed to satisfy the personal requirements of citizens, and surrogate the work of state institutions that are not able to fulfill their obligations. Such a situation can arise due to the conservatism of the prevailing bureaucratic system, or its incongruity with the basic system of morality. The additional point is that the situation of corruption occurs through the uncertainty of the decision-making consequences that happen in the context of the increase of external environmental risks, the absence of a clear strategy, and the necessity to strictly adhere to the prescriptions and regulations that run out of time due to the dynamics of social and economic changes. The decision-maker perceives corruption as a kind of “insurance” against negative consequences, and the only way to influence the situation, or as an equitable remuneration for the overtime work (in case that decisions are made in accordance with the law). In some cases, the participants of the situation do not consider this kind of behavior as corrupt or unlawful. The uncertainty of the future and the lack of understanding of a clear strategy

leads to the fact that decision-makers look for alternative ways to gain control over the consequences of their activities.

Keywords: corruption; compensatory functions; state interest; uncertainty; bureaucracy.

References

Analiticheskiy otchet po gosudarstvennomu kontraktu № 125K-17 na okazanie uslug po provedeniyu sotsiologicheskogo issledovaniya v biznes-srede o deyatelnosti gosudarstvennykh organov v tselyakh vyyavleniya urovnya korruptsii [Analytical report on the state contract № 125K-17 for the provision of services for conducting sociological research in the business environment on the activities of state bodies in order to identify the level of corruption], available at: <http://pravmin74.ru/obyavleniya/analiticheskiy-otchet-po-gosudarstvennomu-kontraktu-no125k-17-na-okazanie-uslug-po> (accessed November 18, 2018). (in Russ.).

Behterev V.M. *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective reflexology], *Bekhterev V.M. Izbrannye raboty po kollektivnoy psikhologii*, Moscow, Nauka, 1994, pp. 18-352. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii» (s izm. i dop.) [Federal Law of 25 December 2008 № 273-FZ «About corruption counteraction»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2008, no. 52, pt. 1, art. 6228, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed July 28, 2018). (in Russ.).

Gladyshev V.I. *Kompensatornoe obshchenie: sotsial'no-filosofskiy analiz: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk* [Compensational communication: social-philosophical analysis: abstr. of diss.], Ekaterinburg, 2002, 45 p. (in Russ.).

Kamenskiy E.G. *Korruptsionnaya kul'tura: teoretiko-kontseptual'nyy konstrukt* [The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct], *Vestnik instituta sotsiologii*, 2014, no. 4 (11), pp. 74-92. (in Russ.).

Khestanov R.Z. *Korruptsiya i revolyutsiya kak strukturnye osnovaniya fiktsii gosudarstvennogo interesa (raison d'État)* [Corruption and Revolution as a Structural Basis of a fiction of Raison d'État], *Logos*, 2012, no. 2 (86), pp. 46-64. (in Russ.).

Klimenko A. *Bol'shie molodtsy: deti vysokopostavlennykh chinovnikov, dostigshie ogromnykh uspekhev v biznese* [Great fine fellows: the children of high-level officials, who achieved great success in business], February 02, 2017, available at: <http://ekb.dk.ru/news/bolshie-molodtsy-deti-vysokopostavlennykh-chinovnikov-dostigshie-ogromnyh-uspekhev-v-biznese-237068143> (accessed September 01, 2018). (in Russ.).

Leontieva E.O. *Vospriyatie korruptsii v stereotipakh massovogo soznaniya rossiyan* [Perception of corruption in stereotypes of mass consciousness of Russians], *Politiya*, 2010, no. 1 (56), pp. 45-51. (in Russ.).

Muller E.V. *Upravlenie personalom i problemy minimizatsii vliyaniya korruptsiyonnykh protsessov* [Personnel management and the problems of minimization of the influence of corruption processes], Moscow, Mir nauki, 2015, 187 p. (in Russ.).

Nikolay Tsukanov provel zasedanie Soveta po protivodeystviyu korruptsii [Nikolay Tsukanov held a meeting of the Anti-Corruption Council], September 12, 2018, available at: <http://uralfo.gov.ru/press/events/1425/> (accessed November 18, 2018). (in Russ.).

Pushkarskaya A., Sapozhkov O. *Gosbank vyshel v lobbi* [The state Bank went to the lobby], *Kommersant*, 2018, no. 151, Aug. 23, pp. 1, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3720478> (accessed September 03, 2018). (in Russ.).

Stepanyuk E. *Srednyaya vzyatka v Chelyabinskoy oblasti vyrosla do 1,6 mln rubley* [State bank goes to lobby], July 05, 2017, available at: http://www.chel.aif.ru/money/corruption/srednyaya_vzyatka_v_chelyabinskoy_oblasti_vyrosla_do_1_6 mln_rubley (accessed November 18, 2018). (in Russ.).

Tatubaev T.M. *Natsional'nye traditsii, obychai i pravila protivodeystviya «korruptioneram» v respublike Kazakhstan* [National traditions, customs and rules of fight against “corrupt officials” in the history of the Republic of Kazakhstan], *Sotsium i vlast'*, 2017, no. 1 (63), pp. 125-131. (in Russ.).

Tokmyanina S.V. *Antikorruptsiionnye moral'nye predpisaniya i zaprety: spetsifika ponimaniya «dolzhnogo» i real'naya praktika predpochteniy* [Anti-corruption moral precepts and prohibitions: specificity of understanding “should” and actual practice preferences], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2016, no. 8 (60), pp. 247-251. (in Russ.).

Zakonoproekt № 26251-7 «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh vvedeniya ogranicheniy na poluchenie nesovershennoletnimi det'mi ot del'nykh dolzhnostnykh lits, gosudarstvennykh grazhdanskikh i munitsipal'nykh sluzhashchikh obrazovaniya v inostrannykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh» [Bill No. 26251-7 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Impose Restrictions of Education in Foreign Educational Organizations by the Receiving by Minor Children of Individual Officials, State Civil, and Municipal Employees], November 14, 2016 (as 12.07.2018), available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bil/26251-7> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).